

ЦИЦЕРОН

ОБРАЗЦЫ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

В Е Л И К И Е И Д Е И

Великие идеи

Марк Цицерон

Образцы ораторского искусства

«ЭКСМО»

106–43 гг. до н. э.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Цицерон М. Т.

Образцы ораторского искусства / М. Т. Цицерон — «Эксмо»,
106–43 гг. до н. э. — (Великие идеи)

ISBN 978-5-04-113279-8

Марк Туллий Цицерон, названный современниками отцом Отечества, был в полной мере достоин так именоваться. Убежденный сторонник республики, человек, использовавший свои блестящие ораторские способности для защиты закона (и правды, как он ее понимал), Цицерон оставил огромное литературное наследие — труды по истории, философии, праву и, конечно же, речи. Его произведения дают представление не только о взглядах автора, но и о целой эпохе. В этой книге представлены несколько речей Цицерона, которые наиболее полно отражают его стиль, убеждения, философское обоснование политических взглядов. Современному читателю они будут интересны еще и как образцы красноречия, позволяющие воочию увидеть истоки современной риторики. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-04-113279-8

© Цицерон М. Т., 106–43 гг. до н. э.

© Эксмо, 106–43 гг. до н. э.

Содержание

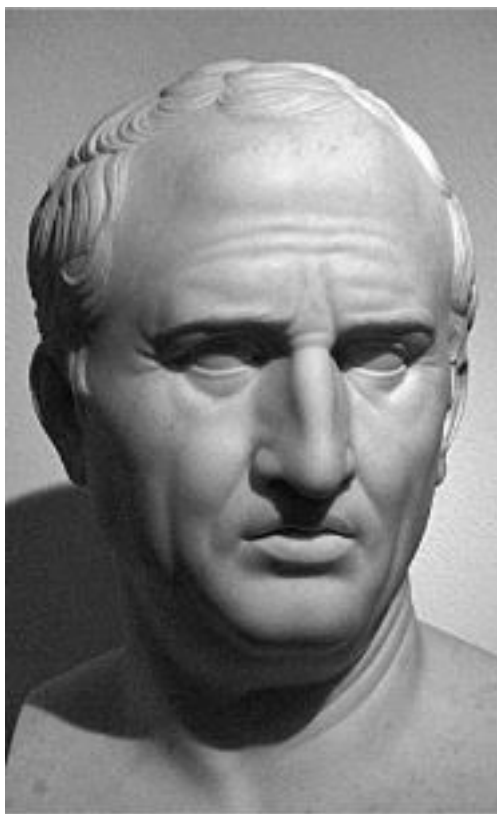
«Первый закон истории – ни под каким видом не допускать лжи»	6
Речи	8
Речь за Публия Квинкция	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Цицерон

Образцы ораторского искусства

© ИП Сирота, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Марк Туллий Цицерон (106 г. до н. э. – 43 г. до н. э.)

«Первый закон истории – ни под каким видом не допускать лжи»

Марк Туллий Цицерон (106 г. до н. э. – 43 г. до н. э.), вошел в историю не только как блестящий оратор и политический деятель – по его произведениям можно без преувеличения изучать историю Древнего Рима. Его литературное наследие огромно – и, к счастью, большая часть произведений великого римлянина дошла до наших дней. Карьера Цицерона начиналась с изучения риторики, литературы, римского права – и даже актерского мастерства: юноша мечтал о карьере «судебного оратора». Первая речь Цицерона – «В защиту Квинкция», или «Речь за Публия Квинкция» (из числа тех, что сохранились до наших дней – но, возможно, были и более ранние) – была прочитана на судебном процессе по делу о незаконно захваченном имуществе. Уже тогда проявились такие черты риторики молодого оратора, как легкость слога, афористичность, яркость, безупречная логика изложения... Но не только искусство красноречия привлекало Цицерона – в 75 году до н. э. он избирается на должность квестора и с этого времени принимает активное участие в жизни государства. Карьера его была весьма успешной: высокие должности в сенате, консульство, ведение самых громких судебных процессов, написание трудов по истории, философии, праву.

Эту карьеру прервало противостояние Цицерона – убежденного сторонника республики – с Юлием Цезарем, не скрывавшим своих властных притязаний. Много лет оратор провел в ссылке, долго метался между различными политическими силами – правда, надо сказать, что Цезарь относился к нему с неизменным почтением, несмотря ни на что.

После убийства Цезаря у Цицерона резко обострились отношения с бывшим соратником римского диктатора Марком Антонием. Последний включил имя оратора в проскрипционные списки «врагов народа» – и в итоге 7 декабря 43 г. до н. э. Цицерон был убит. Он не совершал грандиозных завоеваний подобно Цезарю, но остался в истории навсегда, хотя бы благодаря своим ставшим крылатыми афоризмам: «Мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными».

3 января 106 г. до н. э. – в Арпинуме родился Марк Туллий Цицерон.

91 г. до н. э. – отец отправляет пятнадцатилетнего Цицерона в Рим для получения образования.

81 г. до н. э. – первая сохранившаяся до наших дней «Речь за Публия Квинкция».

73 г. до н. э. – первое упоминание о Цицероне в качестве сенатора.

63 г. до н. э. – избрание консулом и начало противостояния с другим кандидатом Луцием Сергием Катилиной. Речи Цицерона против Катилины входят в золотой фонд ораторского искусства.

58 г. до н. э. – Цицерон отправляется в изгнание и покидает Италию. Занимается в основном адвокатской и литературной деятельностью.

55 г. до н. э. – составление трактата «Об ораторе».

51 г. до н. э. – Цицерон публикует трактат «О государстве».

44 г. до н. э. – начало открытого конфликта с Марком Антонием.

7 декабря 43 г. до н. э. – гибель Цицерона.

«Нужно не только овладеть мудростью, но и уметь пользоваться ею»

Из сотни известных речей Цицерона (в основном судебных и политических) в более или менее полном виде до наших дней сохранилось 58. Также он известен как составитель своего рода пособий по искусству риторики, философских трактатов. Кроме того, Марк Туллий Цицерон, видимо, вел обширную переписку с политическими деятелями, друзьями, членами

семьи: сохранилось более восьми сотен его объемных писем, и, судя по всему, изначально их было значительно больше – просто не все до нас дошли.

Вполне естественно, что литературное наследие Цицерона переводили много и часто: уж очень ценны его произведения как исторический источник!

И в этой книге мы представляем четыре речи Марка Туллия Цицерона, которые наиболее полно отражают его стиль, убеждения, философские обоснования его политических взглядов. Это, например, упоминавшаяся «Речь за Публия Квинкция», которая по сей день входит в учебники и пособия по римскому праву; «Речь за Квинта Росция» – любопытный образец спора по возмещению ущерба по итогам убийства раба, находившегося на обучении у знаменитого актера Росция. Также благодаря представленным текстам вы можете ознакомиться с практикой обвинения нерадивых наместников, ведения имущественных споров и множеством тонкостей древнеримского судебного процесса. Конечно, в этих речах что-то может показаться нам архаичным, тяжеловесным, излишне цветистым. Но ведь основные принципы риторики остаются неизменными со времен Древнего Рима, и многие из них были сформулированы именно благодаря Марку Туллию Цицерону. Так давайте познакомимся с лучшими образцами древнего красноречия! Не так много на свете примеров, когда умение красиво и выразительно излагать свои мысли содействовало возвышению человека на первые государственные посты и способствовало получению титула «Отца Отечества». А Цицерона называли именно так...

Речи

Речь за Публия Квинкция

Exordium. I. 1. Самые верные в нашем государстве залого победы – явное расположение властвующих и красноречие – в настоящем деле против нас. Из этих двух злоключений, Г. Аквиллий, одно меня тревожит, другое внушает серьезные опасения. 2. Я сильно беспокоюсь, что благодаря красноречию Кв. Гортенсия¹² моя речь не будет иметь успеха, но еще более страшусь, как бы влияние С. Невия не повредило П. Квинкцию. Будь у нас эти преимущества хотя бы в слабой степени, мы не стали бы, конечно, сетовать так сильно, что ими вполне владеет противная сторона. Ныне же положение дел таково: мне, человеку малоопытному, не обладающему выдающимися способностями, приходится иметь соперником красноречивейшего из ораторов; 3. П. Квинкцию, человеку беззащитному, беспомощному, почти лишенному всякой поддержки со стороны друзей, – вступить в борьбу с чрезвычайно влиятельной личностью. Против нас еще одно обстоятельство: М. Юний, несколько раз защищавший моего клиента перед тобою, Г. Аквиллий, лицо, имевшее много случаев приобрести себе опытность адвоката, к тому же основательно ознакомившееся с нашим процессом, находится в настоящее время в командировке. Таким образом, тяжба перешла в мои руки, а между тем у меня было слишком мало времени для того, чтобы разобраться в этом столь обширном и столь запутанном деле, если даже предположить, что остальные преимущества всецело на моей стороне. 4. Поэтому я не мог воспользоваться в настоящем случае даже тем моим качеством, которое не раз служило мне подспорьем в других процессах; недостаток дарования я стараюсь заменить прилежанием, но судить о нем можно тогда только, когда ему дано время. Вот почему чем больше невыгод окажется на моей стороне, тем благосклоннее должен ты, Г. Аквиллий, и члены назначенного тобою совета отнестись к моим словам, чтобы жестоко поруганная правда воскресла наконец благодаря правосудию столь честных людей. 5. Если же одиночество и беспомощность не найдут в таком судье, как ты, защитника против насилия и крамолы; если при разборе дела такой совет, как твой, станет руководиться не чувством правды, а принимать во внимание политическое положение каждой из сторон, – будет ясно, что в обществе умерли понятия долга и чести и что слабому нет утешения в справедливости и нелицеприятии судьбы. Надеюсь, что в глазах твоих и твоего совета восторжествует правда; если же сила и личные отношения выгонят ее отсюда, то она не найдет себе нигде приюта.

II. Я говорю это, Г. Аквиллий, не потому, чтобы заподозревал твою честность и твердость духа или желал внушить П. Квинкцию хоть малейшее недоверие к тем лицам, которыми ты окружил себя, – лицам, пользующимся в обществе глубочайшим уважением... Тогда почему же? 6. Потому, во-первых, что большая опасность сильно пугает этого человека; ведь от исхода одного процесса зависит вопрос о всем его существовании, и когда он думает об этом, ему так же часто приходит в голову мысль о твоей власти, как и о твоей справедливости, – все, чья судьба в руках другого, думают чаще о том, что может, нежели о том, что должен сделать человек, во власти и распоряжении которого они находятся. 7. Затем потому, что хотя противником П. Квинкция и считается на словах С. Невий, но на деле за последнего стоят первые ораторы нашего времени, самые влиятельные и могущественные личности нашего государства, которые общими силами, употребляя все старания, выступают защитниками С. Невия, – если

¹ Поверенным (patronus) Невия был Кв. Гортенсий, но последнего поддерживали в качестве advocati много знатных и красноречивых ораторов, в том числе и старый Л. Марций Филипп.

² См. сноски после речи. – *Прим. ред.*

только так может быть названо поведение людей, которые потворствуют алчности другого и помогают ему обезоружить неправильным судопроизводством того, кого он имеет в виду. 8. В самом деле, Г. Аквиллий, можно ли назвать что-либо более неправильное и возмутительное, чем самый порядок судопроизводства, согласно которому мне, отстаивающему права состояния, доброе имя и имущество другого, приходится говорить первому – тем более что моим противником и обвинителем в настоящем процессе будет не кто другой, как Кв. Гортенсий, щедро наделенный от природы величайшим ораторским талантом! Таким образом, мне, которому следовало бы защищаться от стрел и врачевать раны, придется делать это тогда, когда мой противник не пустил в меня еще ни одной стрелы; им между тем дается для нападения такое время, когда мы не будем более иметь возможности ни уклониться от их выстрела, ни – если они, верные своему намерению, бросят в нас лживым обвинением, как бы отравленную стрелю, – залечить своей раны. 9. Это произошло благодаря несправедливости и пристрастию претора: вопреки общепринятому обычаю, он занялся сперва вопросом о честном имени моего клиента, отложив вопрос о самом деле³; затем он распорядился, чтобы на суде обвиняемый защищался прежде, чем услышит хоть одно слово из уст своего обвинителя⁴. Вот чего добились своим влиянием и могуществом эти люди, которые так горячо заботятся об удовлетворении похотливости и жадности С. Невия, как будто дело идет об их собственном имуществе и добром имени, и которые показывают свою силу там, где им – ввиду их прочей доблести и их знатности – всего менее подобало бы показывать ее.

10. Испытав столько тяжелых неудач, пав духом, П. Квинкций возлагает свои надежды на твою честность, Г. Аквиллий, на твою справедливость и милосердие; после того как он до сих пор, благодаря проискам своих врагов, не мог ни добиться равноправия перед законами, ни получить возможности вести свое дело на одинаковых условиях с противником, ни найти в своем магистрате честного человека; после того как всё, вопреки всякому праву, было враждебно настроено против него, – он просит и закликает тебя, Г. Аквиллий, и вас, заседатели, дать жестоко и незаслуженно гонимой справедливости возможность найти наконец здесь приют себе и безопасное убежище. III. 11. Чтобы облегчить вам вашу задачу, позволю себе познакомиться вас с обстоятельствами, предшествовавшими иску и поведшими к его предъявлению.

Narratio. У моего клиента, П. Квинкция, был брат, Г. Квинкций. Это был вообще умный и осторожный хозяин; в одном лишь отношении поступил он несколько необдуманно, в том именно, что вступил в товарищество с С. Невием, человеком... ну, прекрасным, но все же не с таким образованием, которое сделало бы его способным знать права товарищества и обязанности добросовестного хозяина. Этот недостаток обуславливался, впрочем, не недостатком таланта – никто никогда не утверждал, чтобы Невий-балагур наводил скуку или Невий-глашатай⁵ был угрюмого темперамента, – а вот чем. Так как природа не дала ему ничего лучше

³ «Самим делом» была *actio pro socio*, т. е. процесс о счетах Квинкция с Невием по делам товарищества; как мы видели, претор назначил до этой *actio* еще *praejudicium* о том, владел ли Невий имуществом Квинкция в продолжение 30 дней; проиграв это *praejudicium*, Квинкций запятнал бы свое честное имя. Неясно, впрочем, имел ли претор право не назначить *praejudicium*, коль скоро его требовал Невий.

⁴ На это Гортенсий мог ответить: так как самый факт уполномочения Невия претором Бурриеном не оспаривается Квинкцием, распоряжения же магистрата всегда предполагаются (*praesumuntur*) правильными, то обязанность представить доказательства неправильности Бурриенова приказа лежит на Квинкции, и последний вполне резонно был привлечен к *sponsio*. Цицерон, впрочем, до конца своей жизни возмущался торжеством формального права над нравственным.

⁵ Невий принадлежал к цеху глашатаев (*praesones*), обязанности которых были очень разнообразны. Они отчасти состояли на государственной службе и в качестве таковых были подчиненными магистратов; по их приказанию они созывали народ в собрание, читали законопредложения, призывали к голосованию и т. д.; на судах они призывали свидетелей и отпускали их, соответствуя в этом отношении нашим судебным приставам; за все это они получали жалованье. Но кроме того, они за известное вознаграждение служили и частным лицам, объявляли, идя по городу, громким голосом о пропаже вещей, или заведовали аукционами. Последнее было их главной деятельностью. Так как успех аукциона зависел значительно от популярности глашатая, то глашатаи, умевшие смешить народ шутками хотя бы на счет хозяев аукциона, охотнее всего приглашались последними; понятие о характере этих шуток дает нам заключение плавтовой комедии «*Menaechni*». Таким образом, каждый такой *praeso* был по ремеслу балагуром; со временем глашатаи приобрели историческое право делать предметом своих шуток

голоса, а отец оставил ему в наследство только звание свободного гражданина, то он сделал из своего голоса источник наживы, а званием свободного гражданина воспользовался для того, чтобы безнаказанно злословить. 12. Поэтому делать его своим компаньоном было то же самое, что дать ему свои деньги, чтобы он убедился на них, какую пользу можно извлечь из капитала. Тем не менее Квинкций, из дружбы и расположения к нему, вступил с ним, как я уже сказал выше, в товарищество для эксплуатации своих владений в Галлии. У него было там много скота и прекрасно обработанное доходное имение. Невий простился с Лициниевой палатой, сборным местом глашатаев, и приехал в Галлию. Он переменял место своего жительства, но не характер: человек, с малых лет поставивший себе за правило наживаться безо всяких трат со своей стороны, не мог, раз затратив сумму, хотя и ничтожную, и вложив ее в общее предприятие, довольствоваться скромною прибылью. 13. Неудивительно также, что он, торговавший своим голосом, задался целью извлечь по возможности большую пользу из того, что нажил своим голосом. Вследствие этого он – говорю не преувеличивая – тащил обеими руками к себе в дом из общей собственности все, что только мог. Он делал это так усердно, как будто арбитражный суд⁶ имел обыкновение осуждать в процессах по товариществам именно тех, кто вел дела фирмы вполне честным образом... Впрочем, вдаваться в данном случае в подробности, которые хотел бы сообщить через меня П. Квинкций, я не считаю нужным; это, положим, желательно в интересах самого дела, но только желательно, а не необходимо, поэтому я и обхожу их молчанием.

IV. 14. Товарищество производило свои действия уже много лет – в продолжение которых Квинкцию не раз приходилось подозревать Невия, не находившего удобным отдавать отчета в своих поступках, где им руководил безотчетный инстинкт наживы, – как вдруг Квинкций умирает в Галлии, в бытность там Невия, и умирает внезапно. 15. По завещанию он делает своим наследником моего клиента, П. Квинкция, чтобы более прочно почтить того человека, который более прочно скорбел об его смерти. Вскоре затем Квинкций уехал в Галлию. Здесь он дружно жил с Невием. Почти год провели они вместе, много говорили между собою о делах товарищества, об оборотах своего предприятия в Галлии, и за все это время Невий не проронил ни слова о том, чтобы на товариществе лежало какое-либо денежное обязательство по отношению к нему или чтобы Г. Квинкций был должен ему лично. Так как последний оставил после себя некоторые долги, которые следовало уплатить кредиторам, жившим в Риме, то клиент мой, П. Квинкций, сделал объявление, что желает продать с публичного торга в Нарбоне, в Галлии, лично ему принадлежащую собственность. 16. Тогда достойная личность, С. Невий, начинает горячо убеждать его не устраивать аукциона в не совсем удобное для продажи время, говоря, что у него есть в Риме лишние деньги, которые он предоставляет в распоряжение П. Квинкция из уважения к памяти его брата и из-за родственных связей лично с П. Квинкцием (он женат на его двоюродной сестре и имеет от нее детей)... Так как речь Невия вполне соответствовала тому, что должен сказать в подобных случаях порядочный человек, то Квинкций поверил, что он, подражавши честным людям на словах, будет подражать им также и на деле; ввиду этого он приостановил продажу и отправился в Рим. 17. Одновременно с ним уехал из Галлии в Рим и Невий. Так как кредитором Г. Квинкция был покойный П. Скапула, то ты, Г. Аквиллий, определил сумму долга, которую должен был уплатить его детям П. Квинкций. К тебе в данном

даже самых высокопоставленных лиц, и один из них, Граний (современник Мария), попал даже в историю за те колкости, которые он говорил могущественнейшим гражданам. Вообще глашатаи не пользовались общественным уважением, хотя и между ними могли быть симпатичные личности вроде того Мены, о приключении которого с важным консуляром Л. Филиппом Гораций так мило рассказывает в одном послании (I, 7, 46 сл.).

⁶ Арбитражный суд (*arbitrium*) отличается от суда в тесном смысле (*judicium*) тем, что в последнем спор шел об известном предмете (*certum*) и делом судьи (*judex*) было только решить вопрос, которой стороне он должен принадлежать. Напротив, в арбитражном суде судья (*arbiter*) должен был определить также и сумму, в которой могло быть выражено требование истца. В *actiones pro socio* предмет спора был *incertum*, так как именно вопрос о том, сколько причитается товарищу из общей прибыли, был спорным; они подлежали поэтому арбитражному суду.

случае обратились потому, что, вследствие разницы в курсе, нельзя было ограничиться справкою о цифре долга по долговым книгам, а следовало узнать на бирже у храма Кастора соответствующую ей цифру по новым порядкам⁷. Как родственник Скапул, ты определил, сколько должен дать им Квинкций для того, чтобы долг был уплачен сполна до последнего денария. V. 18. Все это Квинкций делал, следуя убедительнейшим советам Невия; да и неудивительно, если он руководился советами человека, помощь которого он считал обеспеченной: не только в Галлии, но и в Риме ему ежедневно обещали и сулили открыть счет по первому его слову. 19. Итак, Квинкций видел, что человек, давший ему слово, в состоянии исполнить его, и знал, что он должен его исполнить; он и не думал, что тот солжет, так как лгать не было цели; поэтому он обязался расплатиться со Скапулами – как будто деньги были у него в руках, – сообщил об этом Невию и просил его исполнить обещание. Тогда этот достойный человек (боюсь, как бы он не счел насмешкою, что я вот уже вторично называю его «достойным») – полагая, что положение Квинкция в достаточной степени стеснительно, – чтобы заставить его в столь критическую минуту подписать продиктованные им, Невием, условия, отказывается дать хотя бы один асс, прежде чем не будут окончательно улажены денежные дела товарищества и пока он не будет знать, что у него не возникнет с Квинкцием впредь относительно этого никаких споров. «Речь об этом будет потом, – отвечает Квинкций, – а теперь прошу тебя озаботиться исполнением своего обещания». Тот не согласился сдержать свое слово иначе, как при этом условии, причем сказал, что своим обещанием он связан ничуть не более, чем если бы дал его на аукционе от имени собственника⁸. 20. Пораженный его вероломством, Квинкций просит у Скапул несколько дней отсрочки и пишет в Галлию, чтобы назначенное раньше к продаже имущество было пущено с аукциона; происходит в неудобное время заочная продажа, и он расплачивается со Скапулами, хотя и на менее выгодных условиях. Затем он от себя обращается к Невию с требованием, чтобы, ввиду могущих произойти, по его словам, недоразумений, дело было улажено как можно скорее. 21. Уполномоченным Невия является друг его, М. Требеллий, нашим – общий знакомый обеих сторон, воспитывавшийся в доме Невия близкий его приятель и вместе с тем родственник моего клиента – С. Алфен. Прийти к соглашению было невозможно: мой клиент был согласен понести умеренную утрату, но его противник не хотел довольствоваться умеренной наживой. 22. И вот с тех пор дело разбирается уполномоченными обеих сторон. Срок явки для разбирательства не раз откладывался, вследствие чего много времени было бесполезно потрачено; наконец Невий пожаловал к сроку.

VI. 23. Заклинаю тебя, Аквилей, и вас, заседатели, быть вдвойне внимательными: вам предстоит иметь дело с единственным в своем роде мошенничеством и проделкой, какой еще не было примера. Он говорит, что устроил в Галлии аукцион, продал, что считал нужным, принял меры к тому, чтобы товарищество погасило свой долг по отношению к нему, и что ни он сам не вызовет больше к любовному разбирательству другого, ни явится лично, а впрочем, предоставляет Квинкцию преследовать его судом. Ввиду того что последнему очень хотелось посмотреть вторично на свое хозяйство в Галлии, он пока не условился со своим противником относительно нового срока; таким образом, стороны разошлись без назначения срока

⁷ Чтобы понять это, необходимо иметь в виду, что П. Квинкций должен был прибл. к концу 84 г. произвести уплату суммы, взятой его покойным братом в долг, очевидно, много лет назад, так как не только он сам, но и кредитор успели скончаться. Между тем вопрос об облегчении долговых обязательств сделался жгучим именно в течение последнего времени; в 88 г. Сулла издал т. н. lex unciaria, постановления которой нам неизвестны, и через два года консул Валерий Флакк, преемник Мария, издал новый закон, согласно которому должникам делалась скидка в целых 75 %. Этот закон должен был быть применен при уплате в 84 г. старинного долга; вот почему стоимость старого векселя не могла быть определена так просто. Храм Кастора находился на форуме; здесь имели свои конторы римские банкиры, которые вместе действительно составляли нечто, соответствующее нашей бирже.

⁸ Это со стороны Цицерона язвительный намек на промысел Невия. Вероятно, глашатаи на аукционах нередко – чтобы потешить публику на счет новичков-покупателей, которые обращались к ним как к хозяевам с жалобами об изъянах в том или другом купленном предмете, – великодушно им обещали непременно позаботиться о должном исправлении его.

для дальнейшего разбирательства дела⁹. 24. Квинкций оставался в Риме дней около тридцати. Чтобы беспрепятственно отправиться в Галлию, он просил отсрочки по другим своим делам. Он уехал. Из Рима Квинкций выбыл за два дня до февральских календ, в консульство Сципиона и Норбана. 29 янв. 83 г. Прошу вас запомнить это число. Его попутчиком был прекрасный, в высшей степени честный человек – Л. Альбий, сын Секста, из Квириновой трибы¹⁰. В Вадах Волатеррских¹¹ они встретили Л. Публиция¹², закадыку Невия, которому он вел из Галлии назначенных в продажу рабов и который по приходе в Рим рассказал Невию, где он видел Квинкция. Не скажи этого Невию Публиций, кризис наступил бы не так скоро. 25. Тогда Невий посылает рабов за своими приятелями, сам же лично просит своих ближайших знакомых с Лициниева двора и мясного ряда собраться вокруг него на аукционе Секстия на следующий день ко второму часу¹³. Их собралась целая толпа. Он пригласил их в свидетели, что П. Квинкций не явился, а он явился. Составили акт, подписать который были приглашены преимущественно люди знатные; затем собрание разошлось. Невий просит претора Бурриена позволить ему вступить во владение имуществом в силу эдикта¹⁴. Затем он приказывает назначить к продаже имение человека, который некогда был его другом, все еще состоял его товарищем, родственником же должен был оставаться, пока были живы его дети. 26. Из этого легко можно было заключить, что нет столь тесных и священных связей, которых не попирала бы, над которыми не надругивалась бы алчность. Если правда, что дружба основана на искренности, товарищество – на честности, родственные связи – на нежности чувств, то человека, который хотел лишиться своего друга, товарища, родственника доброго имени и состояния, нельзя назвать иначе как предателем, обманщиком и нечестивцем.

27. Доверенный П. Квинкция и в то же время друг и родственник С. Невия – С. Алфен срывает объявления о продаже, отнимает от него раба, которого тот забрал было к себе, называет себя доверенным Квинкция и ставит справедливое требование, чтобы Невий пощадил честное имя и имущество Квинкция и подождал его приезда; если же он отказывается сделать это и решил заставить его согласиться на его условия с помощью таких приемов, то он, Алфен, не намерен обращаться к нему с просьбой и, в случае если тот вздумает перенести дело в суд, готов защищаться. 28. Пока это происходило в Риме, рабы, находившиеся при товариществе, вопреки праву, обычаю и преторскому эдикту силой выгнали Квинкция из лесных и полевых пастбищ, принадлежащих товариществу. VII. Если тебе, Г. Аквилый, то, что сделано по письму Невия в Галлии, кажется правильным и справедливым, то я не мешаю тебе допустить, что и все его действия в Риме были законны.

⁹ Так кончился, следовательно, первый фазис этой *actio pro socio*, в котором – об этом следует помнить – Невий был истцом в арбитражном суде, а Квинкций – ответчиком. Так как Невий не мог добиться, чтобы *incertum* – т. е. сумма, которую товарищество должно было уплатить ему было оценено по его желанию, то он предпочел (если только это не фикция с его стороны с целью заставить Квинкция покинуть Рим) другой, несколько своеобразный способ, нередко практиковавшийся в эти тревожные времена, именно самоуправство; он завладел соответствующей частью земли, принадлежавшей фирме, и предоставил Квинкцию преследовать его судом – не арбитражным, конечно, а простым, так как дело шло уже о *certum* – захваченной Невием земле. При таком положении дел Квинкций был бы истцом, а Невий ответчиком и *beatus possidens*.

¹⁰ Все римские граждане – а таковыми были после окончания союзнической войны 89 г. все италийцы до реки По – были разделены на 35 избирательных округов (триб), причем каждый город был причислен к одному из них. Полное имя римского гражданина в официальном стиле непременно состояло из имени личного (напр. *Marcus*), родового (*Tullius*), отчества (*Marcii filius*), трибы (*Cornelia*) и, если таковая имела, фамилии (*Cicero*).

¹¹ *Vada* (= «Броды») *Voltegarum* – гавань в Этрурии (ныне Вадо близ Ливорно), в добрых 200 верстах от Рима.

¹² Как можно предполагать по имени, этот Публиций был отпущенным на волю казенным рабом (*servus publicus*); цель путешествия этой достойной личности тоже приведена неспроста; при таких условиях замечание о близкой ее дружбе с Невием (*perfamiliares*) довольно злобно.

¹³ По-нашему, около шести с половиной часов утра.

¹⁴ Преторский эдикт – утверждаемый каждым новым претором с изменениями по его усмотрению – трению – свод юридических постановлений, развитие, толкование и дополнение законов 12 таблиц.

Будучи столь нагло изгнан из своего имения, глубоко оскорбленный Квинкций обратился за защитой к находившемуся тогда в провинции императору Г. Флакку, имя которого я, как того требует его сан, произношу с уважением¹⁵. Как горячо старался он поправить дело, вы можете убедиться из его распоряжений. 29. Алфен между тем ежедневно имел в Риме стычки с этим старым разбойником, где, разумеется, принимали участие и его люди, так как тот не переставал стремиться к тому, чтобы честное имя его доверителя было навсегда опозорено. Он требовал, чтобы доверенный внес залог в обеспечение уплаты в случае проигрыша дела¹⁶. Алфен же отвечал, что он, как доверенный, не обязан внести залог, так как залога не должен был бы вносить и сам ответчик, если бы он был налицо. Пригласили трибунов; когда от них потребовали прямого вмешательства, стороны разошлись после данного С. Алфеном слова, что в сентябрьские иды 13 сен. 83 г. П. Квинкций явится в суд.

VIII. 30. Квинкций приехал в Рим и явился к разбирательству. Между тем наш противник, столь энергично распорядившийся перед тем захватом квинкциева имущества, его изгнанием из его поместий, похищением его рабов, полтора года сидит, не предъявляя иска, отдыхает, водит, сколько может, моего клиента за нос – и, в конце концов, требует от претора Гн. Долабеллы, чтобы Квинкций, согласно формуле, внес залог в обеспечение уплаты потому-де, что ответчиком является человек, имуществом которого в продолжение тридцати дней владели на основании эдикта претора другие¹⁷. Квинкций отвечал, что он должен был бы внести залог, если бы его имением владели по эдикту. Претор издает приказ – справедливый ли, нет ли, не скажу, скажу – необыкновенный, да и этого желал бы лучше не говорить, так как каждому ясно то и другое – чтобы П. Квинкций обязался (посредством спонсии с С. Невием) представить доказательства, что его имущество не находилось в чужом владении в продолжение 30 дней по эдикту претора Бурриена¹⁸. 31. С этим не соглашались тогдашние защитники Квинкция и доказывали, что разбирательству подлежит прежде всего само дело, что залог должны представить или обе стороны, или ни та, ни другая, и что нет причины подвергать одну из них бесчестию. Квинкций сверх того громко заявлял, что он потому не желает внести залог, что это было бы косвенным признанием законности, с точки зрения эдикта, распоряжения, по которому его имение находилось в чужих руках, а предложенной спонсии заключить не может потому, что ему тогда – что и случилось – придется говорить первому в процессе, где речь идет о его гражданской чести. Долабелла – как и вообще аристократы, которые уж если начнут что-либо делать (правильно ли или неправильно, все равно), в обоих случаях оказываются такими мастерами, что за ними не угнаться нашему брату, – упорно настаивает на том, чтобы обидеть Квинкция; он приказывает или прямо внести залог, или заключить спонсию в указанной форме, причем самым бесцеремонным образом велит удалить протестовавших против этого защитников моего клиента.

IX. 32. И Квинкций ушел, конечно, убитый горем – и неудивительно: ему был предоставлен жалкий и несправедливый выбор, он должен был или внести залог и сам себе произнести приговор, или, согласившись заключить спонсию, говорить первым в деле, от исхода которого зависела его честь. В одном случае ничто не могло спасти его от печальной необходимости вынести самому себе тот самый приговор, который вынес бы самый суровый суд, во втором –

¹⁵ *Honoris causa* – обычная формула извинения перед высокопоставленной личностью, имя которой произносилось при такой обстановке. Этот Г. Валерий Флакк, родной дядя того Флакка, которого позднее защищал Цицерон, был официально пропретором (наместником) Нарбонской Галлии в 83 г. и начальником тамошних римских войск; титул *imperator* он получил, по римским обычаям, от войска за удачную битву с галлами.

¹⁶ Это – та самая *satisfatio iudicatum solvi*, которая через полтора года подала повод к *praedictum*, в котором была произнесена наша речь; см. комментарии переводчика.

¹⁷ Бурриен своим приказом (*decretum*) уполномочил Невия завладеть имуществом Квинкция; но последний оспаривает правильность этого декрета, т. е. не признает, чтобы он был согласен с эдиктом, который преторы издавали на весь год вперед в общеобязательной форме.

¹⁸ См. комментарии переводчика и прим. 3.

оставалась еще надежда найти судью, на защиту которого он мог рассчитывать тем больше, чем меньше было у него заступников; – поэтому он предпочел заключить спонсию и поступил так. Тебя, Г. Аквиллий, он избрал своим судьей и предъявил спонсионный иск. В нем и заключается весь нынешний фазис дела, от него зависит его дальнейшее развитие.

Partitio. 33. Ты понимаешь, Г. Аквиллий, что речь идет не о спонсионной сумме, а о добром имени и всем состоянии П. Квинкция; ты видишь, далее, что – хотя по обычаю предков человек, гражданская честь которого подвергается в процессе риску, должен говорить вторым – от нас потребовали, чтобы мы говорили первыми, не услышав от противников ни одного обвинительного слова. Ты замечаешь, наконец, что прежние защитники превращаются в обвинителей, делая из своего дарования орудие гибели других, между тем как раньше оно служило средством спасения и защиты. Им оставалось сделать – что они и сделали вчера – еще одно: заставить тебя отправиться с ними перед трибунал претора и там назначить нам определенное время на произнесение речи; и они легко добились бы этого от претора, если бы ты не научил их уважать твои права, твои обязанности и твою власть. 34. Кроме тебя, нам до сих пор не удавалось встретить лицо, у которого мы нашли бы защиту против них; в свою очередь, они не считали достаточным для себя получить только то, за что никто не стал бы их порицать; по их мнению, власть ничего не стоит и не более как пустой звук, если не пользоваться ею для причинения обиды ближнему.

Х. Но так как Гортенсий настаивает, чтобы ты приступил к постановлению приговора, а от меня требует, чтобы я не затягивал дела длинной речью, и жалуется, что при моем предшественнике никогда не наступал конец речам, то я не желаю, чтобы меня заподозрили в намерении не доводить дела до приговора. Правда, я не думаю, чтобы мне удалось быстрее доказать правоту нашего дела, чем это мог сделать мой предшественник; тем не менее я не буду многословен, как потому, что дело уже разъяснено прежним поверенным Квинкция, так и потому, что от меня требуют той краткости, которая мне же, как человеку, не обладающему ни достаточной фантазией, ни достаточной выдержкой для длинных речей, милей всего. 35. Ввиду этого я поступлю так, как не раз поступал на моих глазах ты, Гортенсий, – разделю всю свою речь на отдельные части. Ты всегда прибегаешь к подобному приему, потому что всегда можешь, я же поступлю так в данном случае потому, что считаю себя в состоянии поступить таким образом именно здесь. Тем преимуществом, которое с тобою всегда, благодаря твоему таланту, владею сегодня и я, благодаря существу дела. Я назначу себе известные пределы, за которые не сумею выйти, даже при сильнейшем желании; таким образом и я буду иметь в виду, о чем мне говорить, и Гортенсий будет знать, против чего ему возражать, и тебе, Г. Аквиллий, будет наперед известно, о чем тебе придется слушать.

36. С. Невий, я отказываюсь признать, что имение П. Квинкция перешло в твои руки по эдикту претора. В этом заключается содержание спонсии. Сперва я постараюсь доказать, что ты не имел повода требовать от претора позволения отобрать имение П. Квинкция, затем, что ты не мог владеть им в силу эдикта, и, наконец, что ты вообще не владел им. Прошу тебя, Г. Аквиллий, и твоих заседателей твердо помнить о данном мною обещании, – раз вы его запомните, вы легче поймете все дело и своим напоминанием без труда удержите меня, если бы я пытался перейти мною самым начертанными границы. Итак, я отрицаю, чтобы у Невия был повод к его требованию, я отрицаю, чтобы он мог владеть в силу эдикта, я отрицаю, что он владел. Когда я докажу несостоятельность этих трех пунктов, я кончу свою речь.

Probatio, часть I. XI. 37. У тебя не было основания требовать, чтобы имущество Квинкция было предоставлено тебе во владение. Почему? – Потому что Квинкция не был должен С. Невию ни по делам товарищества, ни лично. Кто этому свидетель? – Да тот же наш неутомимый противник. Тебя, да, тебя, Невий, призываю я в свидетели в данном случае. Больше года после смерти Г. Квинкция жил с тобою П. Квинкция в Галлии. Докажи же, что ты когда-либо требовал от него – разумеется, огромной! – суммы его долга тебе, докажи, что ты когда-либо заводил

о ней речь, докажи, что ты когда-либо называл себя его кредитором, – и я признаю существование денежных обязательств его по отношению к тебе. 38. Г. Квинкций – по твоим словам, твой должник на крупную сумму, на что у тебя есть подлинные расписки, – умирает. Наследник его, П. Квинкций, приехал в Галлию, в принадлежавшее вам сообща имение, словом, туда, где должна была находиться не только земля, но и все денежные счета и все бумаги. Кто же мог бы отнестись так небрежно к своему хозяйству, быть таким беззаботным, так резко не походить на тебя, Секст, чтобы – когда имущество лица, с которым он заключил условие, перешло к новому хозяину – не сообщить ему при первой же встрече о долге, не напомнить об уплате, не принести счетов и, если бы возникли недоразумения, не покончить с ними или в стенах дома, или самым формальным судебным разбирательством? Неужели этот образ действий – к которому прибегают даже самые прекрасные люди, те, которым дружба и честь их приятелей и близких знакомых дороже всего, – казался слишком неделикатным С. Невию, тому Невию, которого до того обуяла и ослепила алчность, что он в значительной мере подвергает риску свое выгодное положение, лишь бы целиком лишить Квинкция – своего родственника! – его состояния¹⁹. 39. Неужели не стал бы требовать своего долга – если бы он действительно был кредитором – человек, который, взбешенный тем, что ему не уплатили несуществующего долга, домогается не только капитала, но даже крови и жизни своего родственника? Или ты, быть может, тогда не желал беспокоить того, кому теперь не даешь свободно перевести дыхание? Ты не хотел, быть может, вежливо напомнить об уплате тому, кого ты теперь намерен преступно лишить жизни?.. Надо полагать, что так: ты не желал или не смел напомнить о долге своему родственнику, с почтением относившемуся к тебе, честному, совестливому старику; бывало, ты не раз запасался дома у себя твердостью духа, решался заговорить о деньгах, являлся во всеоружии, с заученной речью – и вдруг робел, краснел, словно девушка, и не говорил ничего: у тебя разом заплетался язык; ты хотел напомнить ему об уплате, но боялся опечалить его своими словами. Вот где разгадка! XII. 40. Оказывается, что С. Невий щадил уши того, чьей головы он ищет. – Нет, Секст, если бы он был должен тебе, ты потребовал бы у него уплаты и потребовал бы сразу, если не сразу, то вскоре, если не вскоре, то когда-нибудь и уж, конечно, в продолжение первых шести месяцев и, наверное, – к концу года. В течение полутора лет ты ежедневно имел случай напомнить об этом человеку – и не проронил ни слова; прошло почти два года, когда ты, наконец, заикнулся об уплате. Был ли хоть один мот или кутила – притом не тогда, когда начинал ощущаться некоторый дефицит в кассе, а в свои лучшие времена – так беспечен, как беспечен был Секст Невий? Назвав его по имени, я, кажется, сказал всё. 41. Г. Квинкций был должен тебе – ты никогда не спросил у него взятых в долг денег; он умер, его имущество перешло к его наследнику, ты виделся с ним ежедневно и спросил о долге только спустя почти полные два года. Неужели можно еще сомневаться, что вероятнее спросил бы С. Невий – если бы ему были должны – свой долг сразу или молчал о нем два года? Что ж, у него не было времени напомнить об уплате? – Но ведь он жил с тобой вместе более года. Или, быть может, тебе нельзя было искать суда в Галлии? – Но суд творился в провинции, да наконец, была же юрисдикция в Риме. Остается предположить, что ты в данном случае был или крайне небрежен, или чересчур великодушен; первое странно, второе смешно. Других оправданий ты, по моему мнению, представить не можешь. Столь продолжительное молчание Невия об уплате служит достаточным доказательством, что ему никто не был должен.

XIII. 42. А что, если я докажу С. Невию на основании его поведения в настоящем случае, что он не состоит кредитором Квинкция? В самом деле, о чем хлопочет теперь С. Невий? О чем он спорит? Из-за чего начался этот процесс, который длится уже два года? Что это за

¹⁹ Не забудем, что разбирательство по спонсионному иску было лишь *praedjudicium*, за которым должна была следовать *actio pro socio*. Проиграв спонсию, Невий, естественно, ухудшал свое положение в главном деле; а так как спонсия была вызвана совершенно ненужным для самой *actio* требованием Невия, чтобы Квинкций, как человек сомнительной состоятельности, представил *satisfatio iudicatum solvi*, то Цицерон мог сказать, что алчность его ослепила.

дело, которым он надоедает стольким достойным людям? – Он требует своих денег. Только теперь?.. Все равно, пусть требует. Послушаем его. 43. Он хочет разобраться в счетах товарищества и уладить существующие у него с ним недоразумения. Поздно, но лучше поздно, чем никогда; ничего против этого не имею. «Но, – говорит он, – я стараюсь в настоящее время, Г. Аквиллий, не о том. П. Квинкция столько лет владеет моими деньгами. Пусть себе владеет, мне их не надо». Так из-за чего же ты ратуешь? Уж не подлинно ли затем, чтобы, как ты не раз выражался во многих местах, он был исключен из числа полноправных граждан? Затем, чтобы он лишился места, которое до сих пор занимал с величайшею для себя честью? Затем, чтобы его не было в живых, чтобы здесь решился вопрос о его жизни и всём состоянии, чтобы на суде он говорил первым и услышал голос обвинителя тогда только, когда ему будет нечего говорить в свою защиту?.. К чему ты на этом настаиваешь? Чтобы скорее получить свое? – Но ведь если бы ты хотел этого, дело давно могло бы быть кончено. – Или чтобы процесс принес тебе больше чести? – 44. Но ты не можешь погубить П. Квинкция, своего родственника, не сделавшись величайшим злодеем. – Или чтобы облегчить дальнейшее разбирательство? – Но Г. Аквиллию не доставляет удовольствия процесс, где дело идет о жизни другого, да и Кв. Гортенсий не имеет привычки добиваться приговора, равносильного казни. Мы, в свою очередь, никаких затруднений не делаем. Правда, он требует денег, но ведь мы не признаем долга. Если он требует, чтобы суд состоялся тотчас, то мы согласны. За чем же дело стало? – Если он боится, что по окончании процесса у нас не окажется денег для уплаты, то пусть он берет с нас залог; но пусть он и от себя внесет требуемый нами залог по той же формуле, по какой соглашаемся его внести мы. Тогда дело может разом считаться оконченным, Г. Аквиллий, и ты можешь пойти домой, избавившись от работы, наскучившей, полагаю я, тебе почти столько же, сколько и Квинкцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.